

— Спасибо вам, но...

Он изначально хотел сказать, чтобы в следующий раз этого не было, но так и не произнес эти слова, потому что в это мгновение, в одно неверное дуновение, Шэнь Сичжоу снова опрометчиво принял решение —

он собирается уйти, так что второго раза уже не будет.

Поэтому он лишь с неожиданной серьезностью повторил:

— Спасибо.

Санчжу махнул ему рукой:

— Чуть позже я заберу.

Шэнь Сичжоу молча закрыл дверь.

Строго говоря, он уже два дня ничего не ел, только пил воду да сгрыз пару плиток шоколада.

Он не чувствовал голода, а та миска рисовой лапши перед ним, должно быть, была сварена на наваристом бульоне — как жаль.

Горячий пар понемногу рассеялся, жир застыл, и некогда невероятно аппетитное блюдо в мгновение ока стало совершенно безвкусным.

Шэнь Сичжоу вдруг затошнило; он полуночно опустился на колени у мусорного ведра и, не в силах сдержаться, зашелся в непрерывных сухих позывах.

Спустя пару минут он бросился в ванные комнаты, отвернул кран в сторону холодной воды и механически стал горстями плескать ее себе в лицо.

Глубоко вздохнув, он уперся руками в раковину, не поднимая головы.

В монотонный шум льющейся воды в два коротких удара вплелся стук в дверь.

Шэнь Сичжоу вытянул бумажную салфетку, кое-как вытер лицо, подошел к столу, сгреб нетронутую лапшу вместе с бульоном и вывалил все в мусорное ведро, после чего подхватил поднос и направился к выходу.

Открывая дверь, он попытался выдавить из себя подобие улыбки, но, увидев Хэ Цюня, замер, и лицо его окаменело.

Он заметно поморщился, не скрывая пробивающегося раздражения. Сохраняя холодное и отрешенное выражение лица, Шэнь Сичжоу протянул поднос Хэ Цюню и тут же попытался задвинуть дверь обратно.

Хэ Цюнь тихо вздохнул, освободил одну руку, уперся ею в створку, прерывая попытку захлопнуть дверь, и спросил:

— Ты в порядке?

Шэнь Сичжоу смотрел на него через узкую щель приоткрытой двери, бесстрастно и ровно:

— Спасибо за беспокойство, но мне не нравится, когда меня постоянно тревожат.

— Прости, — произнес Хэ Цюнь. — Но...

Шэнь Сичжоу до конца захлопнул дверь, отрезая любые взгляды и проявления заботы.

Хэ Цюнь опустил взгляд на пустые тарелки и чистую пару палочек, лежавших на подносе.

Перед его глазами мелькнули те багровые, полные боли и хрупкости глаза.

Ему показалось, что он нечаянно коснулся и подглядел за тем одуванчиком, что прятался в ветвях бушующего ветра, и в сердце Хэ Цюня внезапно зародилось дурное предчувствие: быть может, этот одуванчик вот-вот улетит вместе с ветром.

Глава 3. Пробирающий холод

— Дзынь-дзынь...

Зазвонил будильник, но Шэнь Сичжоу уже сидел, прислонившись спиной к изголовью кровати и полностью готовый к выходу, рассеянно перебирая пальцы.

Было чуть больше семи часов утра. Он еще раз обвел взглядом комнату, убеждаясь, что все вещи собраны, а в помещении царит порядок.

Он поднялся на ноги, подошел к окну и механически, словно жуя бумагу, отломил и сунул в рот кусочек шоколада.

Пейзаж за окном заставил его на миг замереть в оцепенении. Похоже, это был первый раз за три дня, когда он полностью раздвинул шторы.

У него даже дар речи пропал. Оказывается, облака здесь в ясные дни бывают разноцветными! Небо — бескрайнее и глубокое, синее, как океан, а облака клубились и теснились так густо, будто землю устлал сплошной слой гигантских грибов.

Облачные гряды наперегонки неслись и танцевали, и одно огромное, пушистое облако прямо-таки летело на него, грозя врезаться ему прямо в глаза и обжечь воспаленные веки.

Неужели он мгновенно переместился на морскую гладь? На секунду Шэнь Сичжоу потерял ориентацию в пространстве: почему у него так кружится голова?

Словно налетевший с океана шторм поднял волны, и весь мир закачался.

Внезапно Шэнь Сичжоу качнуло из стороны в сторону, его колени с тяжелым стуком рухнули на пол. Он осел, полуприпав к краю стола, и вцепился в подлокотник кресла — неужели землетрясение?

Перед глазами все расплылось, и то облако словно в самом деле врезалось ему в зрение.

Мгновение спустя Шэнь Сичжоу с горькой усмешкой покачал головой. Переждав около четверти часа, он изо всех сил оперся руками о пол, кое-как поднялся и, шатаясь, доплелся до кровати, чтобы снять трубку телефона и набрать ресепшн.

— Здравствуйте.

Только сейчас Шэнь Сичжоу заметил, что у мужчины по имени Хэ Цюянь на редкость холодный и приятный голос, который окатил его словно ушатом ледяной воды, разгоняя туман в голове.

Чем-то это напоминало оазис посреди пустыни.

— Здравствуйте, — заторможенно проговорил Шэнь Сичжоу. — Пожалуйста... — он вдруг осекся, чувствуя неловкость: в конце концов, вчера он едва ли не выставил человека вон. Но ведь его просьба должна входить в перечень услуг отеля, верно? Успокоив себя этой мыслью, он продолжил: — Скажите, у вас предоставляется услуга доставки еды в номер?

— В нашем отеле эта услуга не предусмотрена, — холодно ответил Хэ Цюянь. — Однако сейчас как раз время завтрака, ресторан находится на втором этаже.

— Спасибо. — Шэнь Сичжоу повесил трубку.

У него всегда было отменное здоровье, но, должно быть, из-за недавнего сбоя в режиме питания у него стали часто случаться приступы гипогликемии. В рюкзаке валялось несколько плиток шоколада, но последний кусок выпал из рук и покатился по полу сразу после того, как он надкусил его пару минут назад.

Шэнь Сичжоу просто опустился на ковер у кровати, прислонившись головой к матрацу, и решил немного передохнуть.

Сердце сжалось в крошечный комочек, дышать становилось все труднее, а голова казалась свинцовой и неподъемной.

Похоже, нехватка сахара в крови спровоцировала скорый приход горной болезни.

Спустя пару минут раздался короткий стук в дверь.

Шэнь Сичжоу с трудом приподнял руку. Да и ладно, вообще-то вот так вот заснуть и не проснуться — пожалуй, не самый худший вариант. Вот только перед местным боссом неудобно.

— Ты здесь?

Все тот же знакомый голос. Легко на помине, подумал Шэнь Сичжоу, и уголки его губ даже невольно дрогнули в подобии улыбки.

Хэ Цюянь постучал еще раз — ответа по-прежнему не было. Только что поднявшись на лифте на пятый этаж, он свернул на лестницу и в ресторане на втором этаже никого, разумеется, не обнаружил.

Внезапно он зашагал через две ступеньки сразу, стремительно скользнув вниз по перилам на первый этаж, подбежал к стойке регистрации и выудил оттуда запасную универсальную ключ-карту.

Мэй До испугалась его встревоженного лица, решив, что стряслось что-то серьезное, и тут же окликнула по-тибетски стоявшего у входа Дуньчжу, велев тому следовать за ними.

Раздался короткий писк, и дверь отворилась.

Хэ Цюянь беглым взглядом окинул комнату и заметил Шэнь Сичжоу, сидевшего на ковре и прислонившегося к краю кровати.

Вывернув сбитое дыхание, он направился прямо к нему, по пути вытащив из коробки для мелочей под телевизором два флакона с глюкозой.

Подойдя ближе, Хэ Цюянь опустился на одно колено рядом с ним и приложил тыльную сторону ладони к его лбу, проверяя температуру.

— Простите, — заторможенно и едва слышно пробормотал Шэнь Сичжоу, соображая с трудом.
— Доставляю вам столько хлопот.

— Это твое излюбленное присловье? — недовольно бросил Хэ Цюянь. — Открой рот.

Этот человек... у него напрочь отсутствуют какие-либо личные границы! Но сейчас Шэнь Сичжоу находился на чужой территории.

Поэтому он с трудом поднял руку, пытаясь перехватить флакон с глюкозой:

— Дайте мне.

Хэ Цюянь перехватил его запястье, и в его голосе зазвучали жесткие, безапелляционные нотки:

— Открой рот.

Опустив взгляд, Шэнь Сичжоу позволил Хэ Цюяню напоить себя обоими флаконами глюкозы.

Его сердце, словно губка, впитавшая влагу, начало постепенно расширяться, отяжелев и наливаясь силой. Дышать стало легче, и ему наконец-то полегчало.

Дуньчжу стоял в дверях, не зная, то ли войти, то ли остаться в коридоре. Хэ Цюянь какое-то время неотрывно смотрел в глаза Шэнь Сичжоу, после чего повернулся к Дуньчжу и велел:

— Дядя, выбери какую-нибудь еду и принеси наверх.

Дуньчжу кивнул и удалился.

К Шэнь Сичжоу вернулось ясность ума, и с опозданием до него дошло, насколько близко они сейчас находились друг к другу — настолько близко, что их дыхание смешивалось, а телесное тепло переплеталось сквозь невидимые потоки воздуха.

Он попытался подняться, но Хэ Цюянь властным движением опустил руку ему на плечо и глухо произвел:

— Сиди.

Шэнь Сичжоу смущенно повел плечом, к счастью, Хэ Цюянь не стал задерживаться дольше положенного.

Его ладонь была обжигающе горячей — Шэнь Сичжоу даже испугался, что на плече от этого прикосновения осталась прожженная дыра. Но стоило руке Хэ Цюяня отняться, как ледяной сквозняк мгновенно прошел все его тело до костей. Зубы застучали от холода, и, уставившись потупленным взором на ладонь Хэ Цюяня, он почувствовал, что снова теряет рассудок.

Впрочем, он быстро заставил себя поднять голову с самым невозмутимым видом, находя происходящему вполне научное и реальное объяснение: холодный пот под порывами ветерка скатывался каплю за каплей, а озноб тем временем пробирался всё ближе к костям.

— Вы не могли бы закрыть окно?

Встретившись взглядом с Хэ Цюянем, Шэнь Сичжоу с неожиданным удивлением отметил, насколько резкими и четкими были черты лица этого мужчины, словно вырубленные из камня горные вершины. Так почему же вчера при продлении номера в лифте другие постояльцы обсуждали молодого ханьца с безупречным путунхуа на ресепшн, описывая его как человека невероятно мягкого и учтивого?

Неужели они говорили вовсе не о Хэ Цюяне?

Хэ Цюянь поднялся, закрыл окно, снял с изголовья аккуратно сложенное шерстяное одеяло и укутал им Шэнь Сичжоу.

Его движения были серьезными и аккуратными, а оттого неторопливыми.

— Спасибо. — Шэнь Сичжоу запахнул одеяло; дыхание его все еще оставалось сбивчивым. Вежливо поблагодарив, он дал понять, что визитеру пора на выход: — Мне уже намного лучше. Извините, что побеспокоил.

Словно не услышав намека, Хэ Цюянь просто уселся прямо на пол. Деревянная створка двери была приоткрыта, и в щель тихо постучал Дуньчжу.

— Не входи, — бросил Хэ Цюянь, бросив еще один взгляд на побледневшее лицо Шэнь Сичжоу, на котором блестели мелкие капельки кристального пота. Его кадык нервно дергался, а губы были совершенно бескровными — хрупкий, надломленный вид. Он добавил: — Я сам возьму.

С этими словами он поднялся и подошел к дверям. Дуньчжу, судя по всему, захватил с собой едва ли не понемногу от каждого блюда, так что поднос был уставлен до отказа.

Хэ Цюянь принял его, поблагодарил мужчину и закрыл дверь.

Шэнь Сичжоу окинул его недоумевающим взглядом.

Заметив это настороженное выражение, Хэ Цюянь издал тихий, глухой смешок.

Шэнь Сичжоу едва заметно вздрогнул.

— Ты всегда такой? — Хэ Цюянь придерживал поднос одной рукой, а другой подтянул маленький столик, устанавливая его между ними. — До ужаса боишься быть кому-то в тягость?

Шэнь Сичжоу хранил молчание. Хэ Цюянь поставил еду на столик, протянул Шэнь Сичжоу палочки и, ни капли не смущаясь своей бестактности, заявил:

— Я буду смотреть, как ты ешь.

Лицо Шэнь Сичжоу помрачнело, и он холодно бросил:

— Не нужно.

Хэ Цюянь хмыкнул, вне подавшись корпусом вперед и пристально вглядываясь в темные, сияющие глубиной глаза Шэнь Сичжоу. Протянув руку, он ухватил его за подбородок.

Шэнь Сичжоу с изумлением уставился на него, а затем, опомнившись, яростно оттолкнул его руку и процедил сквозь зубы:

— Пошел вон.

Шэнь Сичжоу до боли впился ногтями в собственные ладони, изо всех сил стараясь взять себя в руки, но жжение в желудке и тошнота накатывали новыми волнами.

Ему было дурно; он с презрением и гневом уставился на Хэ Цюяня, напоминая ошкетинившегося ёжа.

Однако собеседник словно в упор не замечал его отторжения: Хэ Цюянь держался подчеркнуто невозмутимо и будто бы совершенно беззаботно.

— Жить надоело?

<http://bllate.org/book/25607/3053984>